«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Интеллигенция и Советская власть

Сборник статей

Издательство «Советский мир»

Москва
1919

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь“!

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
и
СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ:

Н. Ленина, Г. Зиновьева,
М. Горького, К. Радека,
В. Керженцева.

МОСКВА
1919.

Революция и мелкая буржуазная демократия.

Речь тов. ЛЕНИНА на Собрании ответственных работников-коммунистов 27-го Ноября 1918 г.

Товарищи, я бы хотел побеседовать о тех задачах, которые ложатся на нашу партию и на Советскую власть, в связи с вопросом об отношении пролетариата к мелко-буржуазной демократии. Военное положение России и натиск на нее англо-франко-американского империализма не могли не толкнуть часть этой мелко-буржуазной демократии более или менее на нашу сторону.

Позвольте мне начать с некоторых основных теоретических положений. Нет сомнения, что главной социальной силой, которая дает экономическую основу мелко-буржуазной демократии, является в России среднее крестьянство. Нет сомненья в том, что социалистический переворот и переход от капитализма к социализму неизбежно должен принять особые формы в стране, в которой численность крестьянского населения значительна. Я прочту вам несколько мыслей, высказанных Энгельсом в его статье „Крестьянский вопрос во Франции и Германии“. Статья эта вышла отдельной брошюрой, написана в 1895 или 1894 г., тогда вопрос об аграрной программе социалистической партии

в отношении к крестьянству практически стал на очередь дня, в связи с обсуждением программы немецкой социал-демократии на Бреславском С'езде этой партии. Вот как отзывался тогда Энгельс об отношении пролетариата.

„Каковы же наши отношения к мелкому крестьянству? Во-первых, безусловно правильно предложение французской программы. Мы предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны устраивать ее своим вмешательством. Во-вторых, точно также очевидно, что, обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насилием экспроприировать мелкого крестьянина за вознаграждение или нет—безразлично. Мы вынуждены сокрушить крупного землевладельца—это наша задача. По отношению к мелкому крестьянину она состоит прежде всего в том, чтобы его частное производство, собственность перенести в товарищество, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели“.

Далее по этому вопросу Энгельс говорил: „Мы никогда не можем обещать мелкому крестьянину поддерживать в его единоличном хозяйстве — собственность против превосходных сил капиталистического производства. Мы можем облегчать его в том, что не будем против их воли вмешиваться в их хозяйственные отношения“.

Наконец, последнее изречение, которое я хотел напомнить вам — это рассуждение о богатых крестьянах; крупных крестьянах (по-русски выражаясь, о „кулаках“). „Если эти крестьяне не поймут неизбежности гибели их теперешнего производства и не сумеют сделать для

себя необходимых выводов, то марксисты ничего для них сделать не смогут. Наша обязанность только облегчить им переход в новое производство".

Вот те положения, которые мне хотелось бы напомнить вам. Мы совершенно точно излагали задачи марксизма, когда говорили, что по отношению к помещику-эксплоататору война была нашей обязанностью.

В отношении к среднему крестьянину мы говорим: никоим образом никакого насилия. В отношении к крупному крестьянину мы говорим: „наш лозунг — их подчинение хлебной монополии; борьба с ними, когда нарушена хлебная монополия, когда они прячут хлеб".

Но будучи теоретически в этом все согласны — далеко не все и не достаточно быстро делали соответственные политические выводы.

Мне передали письмо Фридриха Адлера, человека известного по своему революционному поведению в Австрии. Письмо его, писанное в конце октября содержит в себе только просьбу: нельзя ли освободить меньшевиков из тюрьмы.

Больше ничего он не нашел написать в такой момент, кроме этой просьбы. Правда, он оговорился, что он не осведомлен о нашем движении, и т. д: но все-таки это характерно. Эта смешная ошибка западно-европейских социалистов об'ясняется тем, что они смотрят назад, а не вперед, и не понимают, что ни меньшевики, ни эсеры (которые проповедуют социализм) не являются тем, чтобы их относить к социалистам. Меньшевики и эсеры все время революции 1917 г. только и делали, что колебались между буржуазией и пролетариатом, никогда не могли занять правильной позиции, и точно нарочно иллюстрировали положение

Маркса о том, что мелкая буржуазия ни на какую самостоятельную позицию в коренных битвах не способна.

Ни по одному вопросу (возьмите вопрос о Советах), о революционном движении в деревнях, о непосредственном захвате земли, о братании на фронте, о поддержке или неподдержке империализма, во всех этих коренных вопросах меньшевики и с.-р. говорили сегодня „да“, а завтра „нет“.

Это вопрос очень сложный, имеющий очень богатую историю, и мне достаточно его кратко указать. И вот эта политика меньшевиков и эсеров в наших глазах доказывает окончательно наше положение, что считать их социалистами — ошибка. Социалисты они были только, пожалуй, по фразеологии и по воспоминаниям. На деле это есть мелкая русская буржуазия.

Я начал с того, как должны марксисты относиться к среднему крестьянину, иначе говоря, к мелко-буржуазным партиям. Мы подходим теперь к такой полосе, когда предыдущие наши лозунги предшествующего периода революции должны измениться, чтобы правильно учесть настоящий перелом. Вы знаете, что в октябре-ноябре эти элементы колебались.

Партия большевиков тогда оказалась непримиримою и поступила правильно. Мы сказали себе, что нам предстоит уничтожить врагов пролетариата, нам предстоят битвы по основным вопросам о войне и мире, о буржуазном представительстве, о Советской власти. Во-всех этих вопросах мы могли опираться только на свои силы, и мы поступили вполне правильно, когда не пошли на компромисс с мелко-буржуазной демократией. Дальнейший ход событий поставил перед нами вопрос о мире и заключении Брестского мира. Вы знаете,

что Брестский мир оттолкнул от нас мелкобуржуазные элементы.

Вы знаете, что после Брестского мира среди левых эсеров начались колебания. Часть из них пошла на авантюру, другая часть кололась между собой и колется до сих пор. Но факт остается фактом. Мы, конечно, ни минуты, ни капли не можем сомневаться в том, что наша политика была тогда абсолютно правильна. Теперь доказывать это — значит повторять зады, потому что немецкая революция доказала больше всего правильность наших взглядов.

События так подтвердили правильность нашей точки зрения, что тут доказывать нечего. Равным образом, относительно учредилки, колебания были здесь неизбежны, и ход событий настолько подтвердил правильность наших взглядов, что теперь все начавшиеся на западе революции идут под лозунгом Советской власти и создают эту Советскую власть. Советы — вот что характеризует революцию везде. Они перекинулись из Австрии и Германии в Голландию и Швейцарию, страны, с наиболее старой демократической культурой, которые называют себя западной Европой по сравнению даже с Германией. В них выставляется лозунг Советской власти. Значит исторический крах буржуазной демократии не был выдумкой большевиков, а был абсолютной исторической необходимостью.

Припомните общую историю буржуазной революции и развитие парламентаризма во всех западно-европейских странах и вы увидите, что такого рода предрассудки царили во всех странах у старых социал-демократов 40-х годов. Во Франции эти взгляды держались дольше всего. Иначе быть не может. Мелкая буржуазия

в вопросах о парламентаризме наиболее патриотична, она наиболее патриотична, если сравнить ее с пролетариатом и крупной буржуазией.

И понятно, что мы могли привлечь на свою сторону только передовые отряды рабочего класса. Понятно, что большинство мелкой буржуазии не стояло на нашей точке зрения. Нам пришлось осуществлять диктатуру пролетариата в самой ее суровой форме. Мы пережили эпоху увлечения иллюзиями в несколько месяцев. А если мы возьмем историю западно-европейских стран, там не изжили той иллюзии и в десятки лет. Возьмите историю Голландии, Франции, Англии и т. д. Нам пришлось разбить мелко-буржуазную иллюзию о том, что народ есть нечто единое, и что народная воля может быть выражена в чем-либо ином, вне классовой борьбы. Мы были совершенно правы, что мы в этом вопросе ни на какие компромиссы не пошли. Если бы мы сделали поблажки мелко-буржуазным иллюзиям, учредиловской иллюзии, мы бы погубили все дело пролетарской революции в России. Мы бы принесли в жертву узко-национальные интересы интересам международной революции, которая оказалась идущей по большевистской тропе, потому что она была не национальной, а чисто пролетарской. Вот в этих условиях и создалось то, что и меньшевистские и эсеровские мелко-буржуазные массы от нас отшатнулись. Они пошли по ту сторону баррикад, они очутились на стороне наших врагов. Когда начались восстания дутовцев, мы наглядно убедились, что в составе дутовцев, красновцев и скоропадцев находились те политические силы, которые с нами боролись. На нашей стороне оказался пролетариат и беднейшее крестьянство. Вы знаете, что по

всей России во время чехо-словацкого выступления, когда оно происходило с наибольшим успехом, в это время по всей России шли кулацкие восстания. Только сближение городского пролетариата с деревней укрепило нашу власть. Пролетариат при помощи деревенской бедноты, только он выдерживал борьбу против всех врагов. И меньшевики и с.-р., в громадном большинстве, были на стороне чехо-словаков, дутовцев и красновцев. Это положение требовало от нас самой ожесточенной борьбы и террористических методов этой войны.

Когда же настал переворот в международной политике, тогда неизбежно наступил поворот в положении мелко-буржуазной демократии. В воззвании меньшевиков мы видим призыв отказаться от союза с имущим классом, призыв, с которым меньшевики обращаются к своим друзьям — людям из мелко-буржуазной демократии, которые с дутовцами, чехо-словаками, англичанами заключили союз. Они к ним обращаются с воззванием, чтобы они шли бороться против англо-американского империализма.

Поворот в тактике меньшевиков и эсеров — не случайный, не личный. Он касается миллионов и миллионов людей, которые поставлены в России в положение среднего крестьянства, или соответствующее среднему крестьянству. Поворот касается всей мелко-буржуазной демократии. Она шла против нас с озлоблением, доходящим до бешенства потому, что мы должны были ломать все ее патриотические чувства. А история делала так, что патриотизм теперь поворачивает в нашу сторону. Ведь ясно, что нельзя свергнуть большевиков иначе, как иностранными штыками. Если до сих пор

надеялись, что англичане, французы и американцы это настоящая демократия, если до сих пор сохранялась эта иллюзия, то теперь мир, который они дают Австрии и Германии, разоблачает эту иллюзию полностью. Англичане ведут себя так, как будто они занялись специальной целью доказать правильность большевистских взглядов на международный империализм.

Поэтому, из среды партий, которые боролись с нами, например, из плехановского лагеря, раздаются голоса, которые говорят „мы ошибались, мы думали, что германский империализм — наш главный враг, а западные страны — Франция, Англия, Америка — несут нам демократический строй“. Оказалось, что мир, который эти западные страны дают — во 100 раз более унизителен, грабительский, хищнический, чем наш Брестский мир. Оказалось, что англичане и американцы выступают в качестве палачей и жандармов русской свободы, как эта роль выполнялась при русском палаче, Николае I-м, не хуже королей, которые исполняли роль палачей, когда они душили венгерскую революцию. Теперь эту роль взяли агенты Вильсона. Они душат революцию в Австрии, они играют роль жандармов, они ставят ультиматум в Швейцарии: не дадим хлеба, если вы не вступите в борьбу с большевистским правительством. Они заявляют Голландии: не смейте допускать к себе советских послов, иначе—блокада. У них орудие простое — веревка голода. Вот, чем они душат народ.

История в последнее время, в эпоху войны и после войны отличается необыкновенной быстротой развития и доказывает положение, что англо-французский империализм есть такой же гнусный империализм, как и немецкий.

Не забывайте, что в Америке мы имеем самую свободную республику, самую демократическую, но это нисколько не мешает тому, что империализм там действует также зверски, что там не только линчуют интернационалистов, но что толпа вытаскивает их на улицу раздевает до-нага, обливает смолой и зажигает.

События разоблачают империализм с необыкновенной силой и ставят вопрос: либо Советская власть, либо полное удушение революции англо-французскими штыками.

Теперь мелкая буржуазия через этот период перешла.

Патриотизм толкает их теперь к нам, — так вышло, так заставила действовать история. И всем нам надо учесть этот массовый опыт, — всей всемирной истории.

Конечно, колебания в этой среде всегда неизбежны. Когда пошли первые победы чехо-словаков, эта буржуазная интеллигенция пыталась распространять слухи, что чехо-словацкая победа неизбежна. Печатали телеграммы из Москвы, что Москва накануне падения, что она окружена. И мы прекрасно знаем, что в случае даже самых незначительных побед англо-французов мелко-буржуазная интеллигенция прежде всего потеряет голову, впадет в панику и начнет распускать всякие слухи об успехах наших противников. Но революция показала неизбежность восстания против империализма. И теперь наши союзники оказались главными врагами русской свободы и русской самостоятельности. Россия не может быть и не будет независимой, если не будет укреплена Советская власть. Вот почему произошел такой переворот.

Очень ошибся бы тот, кто задумал бы механически перенести теперь лозунги нашей революционной борьбы,

того периода, когда между нами не могло быть никакого примирения, когда мелкая буржуазия была против нас, когда наша непоколебимость требовала от нас применения террора.

Мировая революция разыгралась именно теперь, когда Советская власть стала всенародным учреждением. И теперь, хотя буржуазная демократия все еще продолжает колебаться, иллюзии ее подорваны. И, конечно, мы должны учесть это положение, как и все остальные условия. Если прежде у нас наблюдалась другая точка зрения, то мелкая буржуазия стояла на стороне чехо-словаков, и насилие было неизбежно, ибо война есть война и нужно действовать, как на войне. А теперь, когда эти люди начинают поворачиваться к нам, мы не должны отворачиваться от них только потому, что наш лозунг в листовках и газетах раньше был другим. Когда мы видим, что они делают полуоборот к нам, мы должны написать наши листовки заново, потому что изменились отношения этой мелкобуржуазной демократии к нам. Мы должны сказать: „Милости просим, мы вас не боимся. Если вы думаете, что мы умеем действовать только насилием, то вы ошибаетесь. Мы могли бы достигнуть соглашения“. И те элементы, которые полны традиции буржуазных предрассудков, все кооперативы, все части трудящихся, которые больше всего связаны с буржуазией, могут пойти к нам.

Возьмите всю интеллигенцию. Она жила буржуазной жизнью, она привыкла к известным удобствам. Поскольку она колебалась в сторону чехо-словаков, нашим лозунгом была беспощадная борьба-террор. В виду того, что теперь этот поворот в настроении мелко-буржуазных

масс наступил,—нашим лозунгом должно быть **соглашение**, установление добрососедских отношений. Мы говорили о диктатуре пролетариата, что пролетариат должен быть господствующим над всеми остальными классами. Мы не можем уничтожить различие между классами до полного введения коммунизма. Классы останутся, пока мы не уничтожим экспроприаторов и крупную буржуазию, помещиков, которых мы беспощадно экспроприируем. Но по отношению к среднему и мелкому крестьянству приходится говорить иначе. Беспощадно подавляя буржуазию и помещиков, мы должны привлекать к себе мелко-буржуазную демократию. Когда они говорят, что хотят быть нейтральными и быть с нами в добрососедских отношениях, мы отвечаем: этого только нам и надо. Мы никогда не ожидали, что вы станете коммунистами. Мы продолжаем стоять на почве беспощадной экспроприации помещиков и капиталистов. Тут мы беспощадны, и тут мы не можем вступить ни на какой путь примирения или соглашательства. Но мы знаем, что мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя, что здесь нужно постепенно, ходом событий убеждать в неизбежности социализма. Европа так развилась, империализм дошел до такого положения, что никакая буржуазная демократия не спасет, что только Советская власть может спасти. Вот почему нам теперь этот нейтрализм, эти добрососедские отношения со стороны мелко-буржуазной демократии не только не страшны, а желательны. Мы вас, господа меньшевики, после вашего выступления о союзниках охотно легализируем. Это будет сделано Центральным Комитетом нашей партии. Но мы не забудем того, что в вашей партии

остались меньшевики активисты, и по отношению к ним наши методы борьбы остаются старыми, потому что активисты—это друзья чехо-словаков, и пока чехословаки не изгнаны из России, вы представляете таких же врагов. Мы оставляем за собой государственную власть, **только за собой.** С теми, кто с нами вступает в отношения нейтральности, мы рассуждаем, как класс, который держит в своих руках политическую власть, направляет всю остроту своего оружия против помещиков и капиталистов и говорит мелко-буржуазной демократии: если вам угодно переходить на сторону чехо-словаков и красновцев—мы показали, как мы боролись, так мы будем и впредь бороться. Лишь по мере победы пролетарского движения в деревнях, мы будем переходить систематически к коллективному общественному землевладению и к общественной обработке земли. Эту задачу нельзя было осуществить иначе, как опираясь на чисто пролетарское движение в деревне, и в этом отношении предстоит еще очень многое сделать. Еще некоторое видоизменение эта задача переживает, если мы говорим о мелко-буржуазной интеллигенции. Она колеблется, но она нам для нашего социалистического переворота также нужна. Мы знаем, что строить социализм можно только из элементов крупно-капиталистической культуры, и интеллигенция есть такой элемент. Если нам приходилось с ней беспощадно бороться, то к этому нас не коммунизм обязывал, а тот ход событий, который всех демократов и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул. Опираться на интеллигенцию мы не будем никогда, а будем опираться только на авангард пролетариата, ведущего за собой всех пролетариев и всю деревенскую

бедноту. Другой опоры у партии коммунистов быть не может. Но одно дело опираться на класс, представляющий собой диктатуру, а другое дело господствовать над другими классами.

Вы помните, что Энгельс даже по отношению к тем крестьянам, которые пользуются наемным трудом, сказал: „что, может-быть, и не всех придется экспроприировать“. Мы экспроприируем по общему правилу и у нас кулака нет. Мы давим его. Один пролетариат может господствовать. Но по одному это применяется к мелкому крестьянину, по другому к среднему и иначе к помещику, иначе к мелкому буржую. Вся задача состоит в том, чтобы этот поворот, который вызван международными условиями,—чтобы мы сумели его понять, понять неизбежность того, что лозунги, к которым привыкли за истекшие полгода истории революции,—неизбежно должны быть видоизменены, поскольку речь идет о мелко-буржуазной демократии. В том-то и трудность перехода, что он связан с диктатурой с моментом, когда руководит один только класс—пролетариат. Из этого вытекает, что мы говорим себе, что жизнью будет определять пролетариат, который вышколен и обращен в боевую силу, способную разбить буржуазию. Между буржуазией и пролетариатом стоит масса переходных ступеней, и по отношению к ним наша политика теперь должна стать на те рельсы, которые нами предусмотрены теоретически и которые мы теперь можем осуществлять. Нам предстоит целый ряд задач, целый ряд соглашений, исторических обещаний, технических заданий, которые мы, господствующая пролетарская власть, должны суметь дать. Мы должны суметь дать среднему крестьянину одно за-

дание, помочь в товарообмене, в разоблачении кулака. Кооператорам—другое, они обладали аппаратом для распределения продуктов в массовом размере; этот аппарат мы должны взять себе. Интеллигенции мы должны дать совсем другие задания; она не в силах продолжать саботаж и настроена так, что теперь она занимает позицию, по отношению к нам, самую добрососедскую и мы должны брать эту интеллигенцию, ставить ей определенные задачи, следить и проверять их выполнение, относиться к ним, как Маркс говорил по отношению к служащим Парижской Коммуны: „Каждый отдельный наниматель умеет выбирать себе подходящих помощников, бухгалтеров и, когда они ошибаются,—умеет поправлять их ошибки, а если они не годятся,—заменять их новыми, хорошими". Мы строим власть из элементов, оставленных нам капитализмом. Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано. Если ход событий нас толкнул на борьбу,—мы ответили по правилу, на одного разбойника—три разбойника, чтобы отнестись к мелкой буржуазии, как к доброму соседу, находящемуся под строгим контролем государственной власти.

Вспомним, что Энгельс говорил, что мы должны действовать примером. Никакая форма не будет окончательной, пока не будет достигнут полный коммунизм. Мы не претендовали на то, что мы знаем точную дорогу. Но мы идем к коммунизму неизбежно, неминуемо. В настоящее время каждая неделя дает больше, чем десятки лет мирного времени. Полгода, пережитые со времени Брестского мира, были эпохой настроений против нас. Западно-европейская революция должна

укрепить нас. Мы должны учесть происшедшие перемены, учесть все элементы, не делая никаких иллюзий, зная, что колеблющиеся останутся колеблющимися, пока не победит полностью всемирная социалистическая революция. Это, может-быть, будет и не так скоро, хотя ход событий германской революции обнадеживает, что это будет скорее, чем многие предполагают. Немецкая революция развивается так, как развивалась и наша, но более ускоренным темпом. Во всяком случае, задача которая перед нами стоит—это отчаянная борьба с англо-американским империализмом. Он почувствовал, что большевизм стал мировой силой и именно потому старается удушить нас с максимальной быстротой, желая сначала расправиться с русскими большевиками, а потом со своими собственными. Мы должны те элементы из колеблющихся, которых зверства империалистов толкают к нам, использовать. И мы это сделаем. Вы прекрасно знаете, что в воине нельзя пренебрегать никакой помощью даже косвенной. В войне даже положение колеблющихся классов имеет громадное значение. Чем более остра война, тем больше мы должны приобрести влияния на колеблющиеся элементы, которые приходят к нам. Отсюда вытекает, что тактика, которую мы вели полгода, должна быть видоизменена сообразно новым задачам в отношении к различным слоям мелко-буржуазной демократии. Если мне удалось обратить внимание партийных работников на эту задачу и побудить их путем систематического опыта притти к ее правильному решению, я могу считать свою задачу исполненной.

Н. Ленин.

Обращеніе М. Горькаго к народу и трудовой интеллигенціи.

„Всемирная война кончена. Германский империализм разбит и должен понести тяжкое наказание за свою жадность. Измученный войной, истощенный голодом германский пролетариат дорого заплатит победителям за то, что подчинился политике своих командующих классов. Победители, еще недавно кричавшие на весь мир о том, что они уничтожают миллионы людей ради „торжества справедливости“, ради „блага всех народов“, ныне заставили побежденный народ Германии принять такие условия перемирия, которые в десять раз тяжелее Брестского мира и грозят Германии неизбежным голодом. С каждым днем цинизм бесчестной политики империалистов становится еще откровеннее, еще яснее, угрожая народам Европы новыми войнами и новыми кровопролитиями. Вильсон, вчера красноречивый защитник „свободы народов и прав демократии“—сегодня снаряжает грозную армию для водворения порядка в революционной России, где народ уже осуществил свое законное право, взял власть в свои руки и посильно старается заложить фундамент нового государственного строя. Но я не буду отрицать, что этой созидательной работе предшествовало разрушение, часто не оправ-

данное необходимостью, что даже до сего дня процесс разрушения не всегда законно сопутствует работе строительства. Но именно я, более чем кто-либо другой, имею право и основание решительно заявить, что культурное творчество русского рабочего правительства, совершившееся в самых тяжких условиях и требующих героического напряжения и энергии, постепенно принимает размеры и формы, небывалые в истории человечества. Здесь нет преувеличения. Я не увлекаюсь: недавний оппонент правительства,—я и теперь во многом несолидарен с приемами его деятельности, но я знаю, что историк будущего, подводя итог готовой работе, совершенной силою и властью русского рабочего, не сможет не изумиться широте его творчества в области культуры. Здесь не место перечислению фактов, но я скажу, что каждый, кому искренно дорог процесс приобщения русского народа к основам мировой культуры духа, каждый, кто страстно жаждет обновления мира,—может и должен радоваться той быстроте, силе и жадности, с какой рабочий класс стремится к строительству новой жизни и обладанию всеми духовными завоеваниями человечества.

Но попутно с этой работой, имеющей всемирное в России значение, может быть, творятся крупные ошибки, допускается излишняя жестокость. Но что значат эти ошибки и жестокости рядом с гнусными преступлениями мировой войны, вызванной империалистами Англии и Германии. И разве не эта проклятая война разбудила зверя в людях всех стран и наций Европы. Разве не эта война убила и без того слишком слабо развитое представление о ценности жизни и уважение к труду. И разве империалисты Европы и Америки

нападают на революционную Россию за ее некультурность, за то, что Россия согрешила против гуманности, за то, что русский рабочий недостаточно великодушен к своему классовому врагу, побежденному им. Нет. Обстановка не так красива, не так идеалистична, как изображают ее империалистические газеты Англии, Франции, Америки и Японии.

Дело обстоит гораздо проще и циничнее. Империалисты трех материков стремятся воссоздать и укрепить политико-экономические условия и ухищрения, которые обеспечили бы их власть над волей народа: условия, благодаря которым ничтожное меньшинство безотчетно командовало бы волей и жизнями большинства, условия, которыми вызвана мировая война. Казалось бы что теперь все разумные и честные люди должны с непобедимой ясностью понять всю мрачную глубину, жестокость, своекорыстие, лицемерие и глупость основ капиталистического строя: казалось бы, что честно мыслящим людям всех сословий пора убедиться, что капитализм потерял свои творческие способности и является лишь тяжелым пережитком прошлого и преградой к дальнейшему развитию общемировой культуры; что он является возбудителем вражды и ненависти личной, родовой, сословной, национальной; что прекрасная мечта о братстве народов может быть осуществлена лишь при наличии непоколебимой борьбы труда и капитала. Я не отрицаю за капитализмом его заслуг перед трудящимся человечеством, в плоти и крови которого он должен был почерпать возможность перехода к новым, более совершенным и справедливым формам бытия— к социализму. Но теперь, когда проклятая и позорная война обнажила до последней черты всю гнусность и

бесчеловечность, весь цинизм империалистического строя, показав его бессмыслие, его гнилость,—теперь капитализму произнесен смертный приговор.

Мы русские—нация, которую справедливо считают культурно-отсталой; мы—нация без традиций и поэтому более дерзкая,—более вульгарная, малосвязанная наслоениями прошлого. Мы первые вступили на путь решительного разрушения изжитых условий капиталистической организации государства и мы уверены, что имеем право на сочувствие и помощь в нашем великом и грозном деле, на помощь и сочувствие со стороны пролетариата всего мира, а также со стороны тех людей, которые еще задолго до войны, подвергали современные условия жизни резкой и справедливой критике. Если эта критика была искренна, тогда честные люди Европы и Америки должны признать за нами право переустраивать нашу жизнь так, как мы это находим нужным. Если известная часть интеллигенции действительно заинтересована в решении великой социальной проблемы, она обязана бесстрашно восстать против всякого, кто стремится к восстановлению старого порядка и хочет погасить пламя русской революции потоками русской крови, укротить Россию и потом ограбить ее, как до войны грабили Турцию, Китай, как собираются ограбить Германию. А таково искреннее желание имперaлистов, в этом их священная задача.

Руководителем похода против России является Вудро Вильсон. Факел русской революции, освещающий весь мир, крепко держит Владимир Ленин. Пролетариат и люди интеллектуального труда должны решить, кто им ближе—защитники ли старого порядка, представители, изжитой невозможной более, пагубной для культуры

власти меньшинства над большинством, или возбудители новых социальных идей и эмоций, воплощающие в жизнь прекрасную мечту всех тружеников о счастии свободного труда и братстве народов. Я еще раз указываю, что опыт, творимый рабочим классом и духовно слившейся с ним интеллигенцией,—трагический опыт, который, может быть, до последней капли крови истощит Россию,—великий опыт, поучительный для всего мира. В разное время, почти каждый народ чувствовал себя Мессией, призванный спасти мир, воскресить в нем к жизни и деянию его лучшие силы. И вот, очевидно, история ныне возложила эту великую роль на русский народ. Голодный, изнуренный 300-летним рабством, истощенный войной, под угрозой порабощения грабителями, он говорит трудящимся, честно чувствующим людям всего мира: „идите с нами к новой жизни, ради создания которой мы работаем, не щадя ни сил, никого, и ничего, ошибаясь и строя с великой радостью труда и пламенной надеждой на успех, отдавая все силы нашему честному труду истории будущего. Идите с нами на борьбу против старого порядка, на работу создания нового строя жизни, идите с нами к свободе и красоте жизни“.

М. Горький.

Ценные признания Питирима Сорокина.

„Правда“ поместила замечательно интересное письмо Питирима Сорокина, на которое надо обратить особое внимание всех коммунистов. В письме этом, напечатанном в „Известиях Северо-Двинского Исполнительного Комитета“, Питирим Сорокин заявляет о своем выходе из партии правых эсеров и о сложении им с себя звания члена Учредительного Собрания. Мотивы автора письма сводятся к тому, что он затрудняется не только другим, но самому себе указывать спасительные политические рецепты и потому „отказывается от всякой политики“. „Истекший год революции — пишет Питирим Сорокин — научил меня одной истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу“... Подпись под письмом: „Приват-доцент Петербургского Университета и Психо-Неврологического Института, бывш. член Учредительного Собрания и бывший член партии эсэров Питирим Сорокин“.

Это письмо заслуживает прежде всего внимания, как чрезвычайно интересный „человеческий документ“. Не очень часто встречается такая искренность и прямота, с которой П. Сорокин признается в ошибочности своей политики. Едва ли не в большинстве случаев

политики, убеждавшиеся в неправильности занятой ими линии, пытаются прикрыть свой поворот, затушевать его, „выдумать“ какие-нибудь более или менее посторонние мотивы и т. п. Открытое и честное признание своей политической ошибки само уже по себе является крупным политическим актом. Питирим Сорокин не прав, когда пишет, что работа в области науки „всегда полезна“. Ибо ошибки бывают в этой области, примеры упорной проповеди реакционных, скажем, философских взглядов людьми, заведомо не реакционными, есть и в русской литературе. С другой стороны, открытое заявление видного, т.-е. занимавшего известный всему народу и ответственный политический пост, человека об его отказе от политики—*есть тоже политика.* Честное признание политической ошибки приносит очень большую политическую пользу многим людям, если дело идет об ошибке, которую разделяли целые партии, имевшие в свое время влияние на массы.

Политическое значение письма Питирима Сорокина именно в настоящий момент чрезвычайно велико. Оно дает нам всем „урок“, который надо хорошенько продумать и усвоить.

Всякому марксисту давно известна та истина, что *решающими* силами во всяком капиталистическом обществе могут быть только пролетариат и буржуазия, тогда как все социальные элементы, стоящие между этими классами и подходящие под экономическую рубрику мелкой буржуазии, *неизбежно* колеблются между этими решающими силами. Но от книжного признания этой истины до умения делать вытекающие из нее выводы в сложной обстановке практической действительности—дистанция огромного размера.

Питирим Сорокин—представитель чрезвычайно широкого общественного и политического течения, меньшевистско-эсеровского. Что это—одно течение, что разница между меньшевиками и эсерами, с точки зрения их отношения к борьбе между буржуазией и пролетариатом, несущественная, это доказали особенно убедительно и особенно наглядно события русской революции с февраля 1917 года. Меньшевики и эсеры—разновидности мелкобуржуазной демократии, такова экономическая сущность и основная политическая характеристика данного течения. Из истории передовых стран известно, как часто это течение, в его молодости, окрашивается в „социалистический“ цвет.

Спрашивается, что оттолкнуло особенно сильно представителей этого течения от большевиков, от пролетарской революции, несколько месяцев тому назад и что вызывает у них теперь поворот от враждебности к нейтральности? Совершенно очевидно, что причиной поворота явился, во-1-х, крах германского империализма, связанный с революцией в Германии и других странах, а равно с разоблачением англо-французского империализма; во-2-х, разоблачение буржуазно-демократических иллюзий.

Остановимся на первой причине. Патриотизм—одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств. К числу особенно больших, можно сказать, исключительных трудностей нашей пролетарской революции принадлежало то обстоятельство, что ей пришлось пройти полосу самого резкого расхождения с патриотизмом, полосу Брестского мира. Горечь, озлобление, бешеное негодование, вызванные этим миром, понятны, и само собою разу-

меется, что мы, марксисты, могли ждать только от сознательного авангарда пролетариата понимания той истины, что мы приносим и должны принести величайшие национальные жертвы ради высшего интереса всемирной пролетарской революции. Идеологам, не принадлежашим к марксизму, и широким массам трудящихся, не принадлежащим к вышколенному долгой стачечной и революционной школой пролетариату, неоткуда было взять ни твердого убеждения в назревании этой революции, ни безусловной преданности ей. В лучшем случае наша тактика казалась им фантастикой, фанатизмом, авантюрой, принесением в жертву очевиднейших реальных интересов сотен миллионов народа, отвлеченной, утопической или сомнительной надеждой на то, что будет в других странах. А мелкая буржуазия, по ее экономическому положению, более патриотична и по сравнению с буржуазией и по сравнению с пролетариатом.

А вышло так, как мы говорили.

Германский империализм, который казался единственным врагом, рухнул. Германская революция, которая казалась „грезофарсом" (употребляя известное выражение Плеханова), стала фактом. Англо-французский империализм, который фантазия мелкобуржуазных демократов рисовала в виде друга демократии, защитника угнетенных, оказался на деле зверем, навязавшим Германской республике и народам Австрии условия, хуже брестских,—зверем использующим войска „свободных" республиканцев, французов и американцев, для роли жандармов и палачей, душителей независимости и свободы малых и слабых наций. Всемирная

история с беспощадной основательностью и откровенностью разоблачила этот империализм. Русским патриотам, ничего не желавшим знать, кроме непосредственных (и по старому понимаемых) выгод своего отечества, факты мировой истории показали, что превращение нашей, русской, революции в социалистическую было не авантюрой, а необходимостью, ибо *иного* выбора *не оказалось:* англо-французский и американский империализм *неизбежно* задушит независимость и свободу России, *если* не победит всемирная социалистическая революция, всемирный большевизм.

Факты—упрямая вещь,—говорит английская пословица. А нам пришлось за последние месяцы пережить такие факты, которые означают величайший перелом всей мировой истории. Эти факты заставляют мелкобуржуазных демократов России, несмотря на их ненависть к большевизму, воспитанную историей нашей внутрипартийной борьбы, повернуть от враждебности к большевизму, сначала к нейтральности, потом к поддержке его. Миновали те об‘ективные условия, которые особенно резко оттолкнули от нас таких демократов-патриотов. Наступили такие мировые об‘ективные условия, которые *заставляют* их повернуть в нашу сторону. Поворот Питирима Сорокина отнюдь не случайность, а проявление неизбежного поворота *целого класса*, всей мелкобуржуазной демократии. Тот не марксист, тот плохой социалист, кто не сумеет учесть и использовать этого.

Далее. Вера в универсальное, всеспасающее действие „демократии“ *вообще*, непонимание того, что она является *буржуазной* демократией, исторически ограниченной в своей полезности, в своей необходимости,

такая вера и такое непонимание держались во всех странах веками и десятилетиями, особенно прочно среди мелкой буржуазии. Крупный буржуа прошел огонь, воду и медные трубы, он знает, что демократическая республика, как и всякая другая форма государства при капитализме, есть не что иное, как машина для подавления пролетариата. Крупный буржуа *знает* это из своего интимнейшего знакомства с настоящими руководителями и с наиболее глубокими (зачастую именно в силу этого наиболее прикрытыми) пружинами *всякой* буржуазной государственной машины. Мелкий буржуа, по своему экономическому положению, по всем условиям своей жизни меньше способен усвоить эту истину, даже держится иллюзий насчет того, будто демократическая республика означает „чистую демократию", „свободное народное государство", внеклассовое или подклассовое народовластие, чистое проявление всенародной воли и так далее и тому подобное. Прочность этих предрассудков мелкого буржуазного демократа неизбежно вызывается тем, что он дальше стоит от острой классовой борьбы, от биржи, от „настоящей" политики, и было бы совершенно немарксистским ожидать, будто одной пропагандой и в скорое время можно искоренить эти предрассудки.

Но всемирная история несется теперь с такой бешеной быстротой и разрушает все привычное, все старое молотом такой необ'ятной мощности, кризисами такой невиданной силы, что самые прочные предрассудки не выдерживают. Естественно и неизбежно возникла у „демократа" вообще наивная вера в Учредилку, наивное противоположение „чистой демократии" „пролетарской диктатуре". Но то, что пережили „учредиловцы" в

Архангельске и в Самаре, в Сибири и на юге, не могло не разрушить самых прочных предрассудков. Идеализированная демократическая республика Вильсона оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов. Средний „демократ“ вообще, меньшевик и эс-ер, думал: куда уж нам какой-то высший, якобы, тип государства, какая-то Советская власть! Дай бы нам Бог обыкновенную демократическую республику! И, конечно, в „обыкновенное“, сравнительно мирное время такой „надежды“ хватило бы на долгие десятилетия.

А теперь ход мировых событий и жесточайшие уроки союза всех монархистов России с англо-французским и американским империализмом показывают на деле, что демократическая респуплика есть буржуазно-демократическая республика, которая уже устарела с точки зрения вопросов, поставленных империализмом, в порядок дня истории;—что никакого иного выбора нет: или Советская власть побеждает во всех передовых странах мира или самый реакционный, самый бешеный, душащий все мелкие и слабые народы, восстановляющий реакцию во всем мире англо-американский империализм, великолепно научившийся использовать форму демократической республики.

Или—или.

Середины нет. Совсем недавно такой взгляд считали ослепленным фанатизмом большевиков.

А вышло именно так.

Если Питирим Сорокин сложил с себя звание члена У. С., это не случайность, это признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии. Раскол среди

нее неизбежен: часть перейдет на нашу сторону, часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам, продающим Россию англо-американскому капиталу, стремящимся удушить революцию чужеземными штыками. Суметь учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эсеровской демократии от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке их, есть одна из насущных задач текущего момента.

Всякий лозунг, бросаемый партией в массы, имеет свойство застывать, делаться мертвым, сохранять свою силу для многих даже тогда, когда изменились условия, создавшие необходимость этого лозунга. Это зло неизбежное и, не научившись бороться с ним и побеждать его, нельзя обеспечить правильную политику партии. Тот период нашей пролетарской революции, когда она особенно резко разошлась с меньшевистской и эсеровской демократией, был исторически необходим; без острой борьбы против таких демократов, когда они колебнулись в стан наших врагов и занялись восстановлением буржуазной и империалистской демократической республики, обойтись было нельзя. Лозунги этой борьбы сплошь да рядом застыли и окостенели теперь, мешая правильно учесть и целесообразно использовать новый момент, когда начался новый поворот среди такой демократии, поворот в нашу сторону, поворот не случайный, а коренящийся в самых глубоких условиях всей международной обстановки.

Недостаточно того, чтобы поддержать этот поворот, чтобы встретить поворачивающих к нам дружелюбно. Политик, сознающий свои задачи, должен научиться вызывать этот поворот в отдельных слоях и группах

широкой мелкобуржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины. Революционный пролетарий должен знать, кого надо подавлять, с кем надо—когда и как—уметь заключать соглашение. Было бы смешно и нелепо отказываться от террора и подавления по отношению к помещикам и капиталистам с их прихвостняками, продающим Россию иностранным, „союзным" империалистам. Было бы комедией пытаться „убеждать" и вообще „психологически влиять" на них. Но так же—если не более—нелепо и смешно было бы настаивать на одной только тактике подавления и террора по отношению к мелкобуржуазной демократии, когда ход вещей заставляет ее поворачивать к нам.

А с такой демократией пролетариат встречается повсюду. В деревне наша задача—уничтожить помещика, сломить сопротивление эксплуататора и спекулянта-кулака; опереться для этого мы можем прочно только на полупролетариев, на „бедноту". Но средний крестьянин нам не враг. Он колебался, колеблется и будет колебаться: задача воздействия на колеблющихся не одинакова с задачей низвержения эксплуататора и победы над активным врагом. Уметь достигать соглашения с средним крестьянином—ни на минуты не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту—это задача момента, ибо именно теперь поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен в силу вышеизложенных причин.

То же относится и к кустарю, и к ремесленнику, и к рабочему, поставленному в наиболее мелкобуржуазные условия или сохранившему наиболее мелкобуржуазные

взгляды, и ко многим служащим, и к офицерам и—в особенности—к интеллигенции вообще. Нет сомнения, что в нашей партии нередко замечается неуменье использовать поворот среди них и что это неуменье можно и должно преодолеть, превратить его в уменье.

Мы имеем прочную уже опору в громадном большинство профессионально-организованных пролетариев. Надо уметь привлечь к себе, включить в общую организацию, подчинить общепролетарской дисциплине наименее пролетарские, наиболее мелкобуржуазные слои трудящихся, которые поворачивают к нам. Тут лозунг момента—не борьба с ними, а привлечение их, уменье наладить воздействие на них, убеждение колеблющихся, использование нейтральных, воспитание,—обстановкой массового пролетарского влияния,—тех, кто отстал или совсем недавно еще начал отделываться от „учредиловских“ или „патриотически-демократических“ иллюзий.

Мы имеем достаточно уже прочную опору в трудящихся массах. Шестой С'езд Советов особенно наглядно показал это. Нам не страшны буржуазные интеллигенты, а со злостными саботажниками и белогвардейцами из них мы ни на минуту не ослабим борьбы. Но лозунг момента—уметь использовать поворот среди них в нашу сторону. У нас еще очень не мало осталось „примазавшихся“ к Советской власти худших представителей буржуазной интеллигенции: выкинуть их вон, заменить их интеллигенцией, которая вчера еще была сознательно враждебна нам и которая сегодня только нейтральна, такова одна из важнейших задач теперешнего момента, задача всех советских деятелей, соприкасающихся с „интеллигенцией“, задача всех агитаторов, пропагандистов и организаторов.

Разумеется, соглашение с средним крестьянином, с вчерашним меньшевиком из рабочих, с вчерашним саботажником из служащих или из интеллигенции требует уменья, как и всякое политическое действие в сложной и бурно изменяющейся обстановке. Все дело в том, чтобы не довольствоваться тем уменьем, которое выработал в нас прежний наш опыт, а итти непременно дальше, добиваться непременно большего, переходить непременно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве.

У меня были на-днях представители с'езда уполномоченных кредитных кооператоров. Они показали мне резолюцию их с'езда, направленную против слияния кредитно-кооперативного банка с народным банком республики. Я сказал им, что стою за соглашение с средним крестьянином и глубоко ценю даже начало поворота от враждебности к нейтральности по отношению к большевикам со стороны кооператоров, но почва для соглашения дается лишь их согласием на полное слияние, особенно банка, с единым банком республики. Представители с'езда тогда заменили свою резолюцию другой, провели через с'езд другую резолюцию, в которой вычеркнули все, что говорилось против слияния, но... но выдвинули план особого „кредитного союза“ кооператоров, ничем на деле не отличающегося от особого банка! Это было смешно. Перекрашиванием слов можно, разумеется, накормить или обмануть только дурака. Но „неудача“ одной из таких... „попыток“ нисколько не колеблет нашей политики; с кооператорами, с средним крестьянством мы осуществляли и будем осуществлять политику соглашения, отсекая

всякие попытки изменить линию Советской власти и советского социалистического строительства.

Колебания мелкобуржуазных демократов неизбежны. Достаточно было немногих побед чехо-словаков, и эти демократы впали в панику, сеяли панику, перебегали к „победителям“, готовы были раболепно встречать их. Разумеется, нельзя ни на минуту забывать, что и теперь — достаточно будет частичных успехов, скажем англо-американо-красновских белогвардейцев, и колебания начнутся в другую сторону, усилится паника, умножатся случаи распространения паники, случаи измен и перелетов на сторону империалистов и так далее и тому подобное.

Это мы знаем. Этого мы не забудем. Завоеванная нами чисто пролетарская основа Советской власти, поддерживаемой полупролетариями, останется неизменно прочной. Наша рать не дрогнет, наша армия не колеблется, — это мы знаем уже из опыта. Но когда глубочайшие всемирно-исторические перемены вызывают неизбежный поворот в нашу сторону среди масс беспартийной, меньшевистской, эсеровской демократии, мы должны научиться и мы научимся использовать этот поворот, поддержать его, вызвать его в соответственных группах и слоях, осуществить все возможное в деле соглашений с этими элементами, облегчить тем работу социалистического строительства, ослабить тяжесть мучительной разрухи. темноты, неумелости, замедляющих победу социализма.

Н. Ленин.

Трудящаяся интеллигенция и Советская власть.

Речь тов. Зиновьева на митинге трудящейся интеллигенции под председательством М. Горького.

Товарищи! Сегодня у нас особое, можно сказать, казусное собрание. После того, как почти год революция жила на разных половинах с большинством интеллигенции, теперь делается попытка переселиться на общую квартиру. Мне думается, что эта попытка делается своевременно. Вы видели, товарищи, этот громадный приток народа перед дворцом тов. Урицкого. Я говорил там перед 30.000-й толпой, в которой преобладала трудящаяся интеллигенция. Я не видел перед нашим дворцом такой массы народа с июльских дней 1917 года. Толька тогда, в июльские дни, перед Таврическим дворцом стояла такая же колоссальная толпа рабочих, во главе рабочих были рабочие Путиловского завода.

Такое же море голов было тогда перед дворцом и общий клич был: **„Да здравствует власть Советов!“** Сегодня очень значительная часть трудящейся интеллигенции этот клич подхватила так же дружно. Сегодня мы делаем попытку сговориться. И я надеюсь, что мы не уподобимся фигурам в кадрили, которые подходят друг к другу совсем близко, чтобы раскланяться и затем отойти назад. Я убежден, что сегодняшняя по-

пытка сговориться увенчается успехом. По крайней мере, пролетариат обращается к интеллигенции с открытым, серьезным и искренним призывом порвать окончательно с прошлым и пойти на службу к Советам.

Не будем много говорить о прошлом. Мы не боимся спора по вопросу о том, кто был прав в течение минувшего года, Но давайте лучше говорить о будущем. Тем, кто желает работать вместе с нами, мы открываем дорогу. Теперь интеллигенция перестает дуться на нас, как мышь на крупу, теперь видит, наконец, что нет и не будет другой власти, кроме власти рабочих и крестьян. Часть интеллигенции возвращается теперь под кровлю народной, Советской России, она возвращается в отчий дом (аплодисменты).

Товарищи, нечего греха таить: в течение прошедших 11 месяцев, таких тягостных для рабочего класса, часть интеллигенции приняла достаточно-таки греха на душу. В самое трудное, в самое ответственное время она пыталась быть в лучшем случае „нейтральной", т.-е. ни теплой, ни холодной, пыталась сесть между двух лагерей. Но в такое время, какое мы сейчас переживаем, нейтральность невозможна. Нельзя сидеть посредине, нельзя проходить сторонкой потому, что иначе ты будешь бит с обеих сторон. В такой момент, повторяю, нельзя искать какую-нибудь середину.

Много горечи, не скрываю от вас, накопилось в душе передового пролетариата по отношению к той части интеллигенции, которая в начале нашей революции, великой рабочей революции, скрестила руки и грозила саботажем, которая дулась на рабочий класс, не желала помогать ему, а часто и прямо мешала ему.

Но наш рабочий класс великодушен. В отличие от других классов он не способен, даже когда это ему нужно, быть мстительным; он благороден по природе своей, по своей классовой природе. Он не может быть мстительным. И в трудную минуту, когда интеллигенция показывала ему спину, а зачастую прямо распинала, продавала и предавала его, он помнил фигуры интеллигентов другой эпохи: он не забывал ни на одну секунду прошлых заслуг революционной русской интеллигенции.

Наш революционный рабочий класс не забывал плеяды первых народников-революционеров, которые в 70 и в 80 годы, когда Россия была тюрьмой народов, когда так тяжело было дышать в нашей стране, как тогда интеллигенция отрекалась от своих привилегий, порывала со своими родными и шла „в народ", как тогда говорили, шла к крестьянам—темным, забитым, которые часто отдавали их в руки становых. Рабочие помнили, что была другая интеллигенция, были Желябовы и Перовские (аплодисменты). Были люди, которые сумели идти впереди своего народа, которые умели жертвовать собою до конца.

Когда мы взяли власть в руки, мы обратились даже к самой ограниченной касте интеллигенции—я говорю об офицерстве,—с предложением идти работать в наши ряды. Ни один наш противник не может оспаривать этот факт, что, когда мы начали строить нашу народную красную армию, мы обратились к офицерству и сказали: „вы видите—буржуазии больше нет и никогда не будет (аплодисменты), сейчас впервые в истории человечества мы начинаем строить новую народную красную армию, у вас есть военный опыт, у вас есть

военные знания, поделитесь ими с новой армией, идите в наши ряды, где вас будут приветствовать. Мы дадим вам возможность работать и приложить знания, накопленные трудом народа.

И вы знаете, как громадное большинство офицерства ответило нам. Громадное большинство русского офицерства, которое изображало себя патриотами, предпочло пойти с англичанами, французами, американцами, германцами, с кем угодно (гол.: „позор“), только не со своим родным народом. Товарищи, но и в этот момент рабочий класс ни на секунду не забывал, что были другие военные, что было когда-то другое офицерство, что в 1825 г., почти целый век тому назад знамя первого восстания подняли против царя декабристы, вышедшие из среды военных и русского дворянства. Мы не забываем того, что бывает офицер и офицер. И в настоящее время, когда нет такого уголка, где бы старый русский офицер не продавал и не предавал нас, мы говорим, что мы помним Пестеля, Рылеева, Бестужева и других декабристов. Они тоже офицеры. Рылеев, который связал себя с народом, который дышит одной грудью с миллионами рабочих и крестьян, это и есть коммунист, это и есть офицер нынешней народной красной армии (аплодисменты).

В самый тяжкий момент мы не забываем прошлых заслуг, величайших заслуг русской интеллигенции.

Товарищи интеллигенты! Обратите внимание на тот знаменательный факт, что мы, неумытые рабочие, здесь в Петроградской трудовой коммуне, которую вы высмеивали, которую распинали и от которой отрекались, что мы здесь первые поставили первый памятник первому интеллигенту-революционеру в России Радище-

ву. В самую тяжкую годину мы не забываем и не забудем никогда тех бессмертных и неувядаемых заслуг перед нашим народом, которые имеет в прошлом наша интеллигенция. Мы знаем, что в России были офицеры—декабристы, которых воспевали Пушкин и Некрасов. Но мы помним, что есть офицеры, которые являются героями романа Куприна и которые теперь идут с врагами народа. С этим последним офицерством, с этой кастой, с этими человеками в футляре, с этими убийцами, которые продают свою шпагу всякому, кто ее покупает, мы—на ножах. У нас не может быть ничего общего с этими людьми, кроме борьбы не на живот, а на смерть (аплодисменты).

Вся лучшая часть интеллигенции—та, которая стояла на распутье, которая искренно задумалась теперь над тем, что происходит, придет к нам. И честь ей и место в наших рядах (аплодисменты).

Вы знаете, что важнее всего, часть наиболее искренной интеллигенции колебалась потому, что ей казалось не своевременным то, что мы ставим во главе угла нашей деятельности социалистическую программу. Они говорили, что социализм велик, но что он возможен через 50 лет, что Россия еще не доросла, что у нас нет развитого капитализма, нет концентрации промышленности. Куда же, говорили они нам, соваться с суконным рылом да в калашный ряд. С „учеными“ выкладками в руках старались они доказать, что мы губим Россию, что мы нетерпеливо забегаем вперед.

Посмотрите теперь на урок Болгарии. Я убежден, что трудно будет найти такого интеллигента из трудящихся, который всей душой не стоял бы на стороне восставшего болгарского народа. Даже те, которые

имеют массу предрассудков против Совета Петроградского,—они будут приветствовать Совет в Софии (аплодисменты). Они будут за болгарскую революцию. Иначе и не может быть. А между тем, посмотрите, Болгария страна более отсталая, чем мы, промышленность там развита меньше, рабочий класс слабее. Там не было 5-года, нет крупных революционных традиций нет могущественного рабочего класса. И все-таки какая это будет завтра революция в Софии? Если она будет, я спрошу наших горе-марксистов, про которых сам Маркс сказал, что если они марксисты, то он не Маркс, — я спрошу их: какая революция будет в Софии, если завтра войска Вильгельма будут раздавлены там,—а на это я глубоко надеюсь!

Если войска Вильгельма будут раздавлены, на что я глубочайше надеюсь, если в Софии победит Совет Р. и С. Д., какая революция будет в Болгарии? Там будет социалистическая революция. Война поставила социалистическую революцию в порядок дня. Болгарская революция должна прогнать Фердинанда, прогнать его сына Бориса, прогнать буржуазный парламент, заключить мир. Рабочие должны взять власть в свои руки, они должны учредить Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов. А это и есть социализм (аплодисменты).

Я говорю себе: не может быть, чтобы интеллигенция, которая искренно колебалась, которая просто не поняла во-время хода событий, которая была обманута буржуазией, чтобы эта интеллигенция не поняла теперь, кто прав. Теперь ясно, как Божий день. Правы те, кто сказал: да, наша страна отстала, но после четырех лет империалистической войны никакая другая революция, кроме революции рабочих и громадного боль-

шинства беднейшего крестьянства невозможна. И болгарская революция и события на Балканах и события в Германии подтверждают каждый день и каждый час нашу правоту.

Есть еще другой вопрос, который отделял часть интеллигенции от нас, который был занозой в ее душе. Это был Брестский мир. Среди трудящейся интеллигенции были люди, искренно убежденные в том, что они расходятся с нами потому, что мы заключили Брестский мир, что мы негласные союзники Вильгельма, и что таким образом они спасают Россию от нас и от германского рабства.

Товарищи, немного времени прошло после заключения мира, и я спрашиваю вдумчивого интеллигента, кто был прав—мы или вы? Я спрашиваю: повернется ли у вас язык сказать теперь, что мы были негласными союзниками Вильгельма? Чудовище германского империализма издыхает на наших глазах, и мы счастливы, что это, смертельно раненое чудовище вот-вот околеет— на радость всего международного рабочего класса.

Заключая Брестский мир, мы говорили всему человечеству, что мы смотрим на этот мир только как на перемирие, что мы подписываем его скрепя сердце, потому что мы слабы, что мы истекаем кровью, потому что наш царь, наша буржуазия и правительство Керенского подорвали могущество нашей страны, и заставили нас подписать его. Глава нашего правительства, тов. Ленин, об'явил всему миру, что это не мир, а „передышка“. Некоторые дальновидные германские буржуа, в ответ на это, неоднократно заявляли: зачем же нам этот мир, если глава русского правительства смотрит на него только, как на передышку?

Вы видите теперь, что в момент, когда германский империализм смертельно ранен, мы не в траур облекаемся, не раздираем на себе платье, не посыпаем пеплом главу, а на весь мир заявляем, что мы радуемся тому, что германский империализм околевает.

Я спрашиваю вас: кому помогает теперь та интеллигенция, те правые с.-р. и меньшевики, которые к Волге и Уралу приковывают сейчас сотни тысяч наших солдат? Кому помогают они? Даже малому ребенку ясно, что если бы эти сотни тысяч солдат были свободны, они пригодились бы нам не для того, чтобы поддерживать Вильгельма, а для того, чтобы те земли которые принадлежат нам и которые теперь захвачены германским империализмом, которые хотят жить под знаменем Советской России, опять вернулись к нам. Тот, кто задерживает сотни тысяч солдат там, тот играет в руку германскому и мировому империализму. Брешко-Брешковская когда-то, молодой девушкой, переодевалась в крестьянское платье и шла в народ с простой азбукой. Она была тогда революционеркой. А теперь, когда она сидит с Дутовым в Самаре, я говорю, что она враг народа (аплодисменты).

Товарищи, я уже в начале своей речи сказал, что я не желаю слишком много останавливаться на прошлом. Мы зовем вас вперед. Мы превосходно знаем, что наша власть имеет теневые стороны, что происходят колоссальные злоупотребления под флагом Советской власти. Мы знаем, что тот или другой отдельный представитель власти, который позволяет себе брать взятки, держит себя, как бюрократ старого режима, он больший враг Советской власти, чем любой из белогвардейцев (аплодисменты).

Мы это превосходно знаем. Но вы достаточно интеллигентны, чтобы правильно судить о Советской власти не потому, как действует отдельный низший агент ее на местах. Наш народ в праве обратиться к вам и сказать: я знаю, что я черненький, но я обращаюсь к вам и говорю: полюбите меня черненьким, а беленьким меня всякий полюбит. В рубище сейчас наш народ, голоден, нищ, малограмотен. Так полюбите его, помогите ему выйти из мрака, и тогда он станет лучше.

Я знаю, что многие из вас недовольны тем, что у нас, якобы, нет свободы печати. У нас есть свобода печати (голос: а почему „Новую Жизнь“ закрыли?). Это вы спросите у тов. Максима Горького. В такой „свободной“ стране как Америка, там, действительно, нет свободы печати. Там есть свобода лганья, там буржуазная печать является опиумом для народа.

Почему во Франции нет ни одной коммунистической газеты? Потому что там у власти стоит Клемансо, потому что там буржуазия положила ноги на стол. Почему в Америке несколько времени тому назад вождей американских рабочих Хейвуда и Евгения Дебса присудили к 20-ти и 10 годам каторги? А, ведь, там республика, там всеобщее избирательное право, там в роде учредилки. Хотите вы такой республики, где вождей рабочей партии сажают в тюрьму (аплодисменты)? Нет, мы хотим такой Республики, где за железной решеткой сидят Клемансо, Круппы и Вильсоны (аплодисменты).

Я сказал—у нас есть свобода печати. Это кажется парадоксом. Нет „Речи“, нет даже „Нового Времени“, нет, наконец, „демократической“ газеты „День“ (голоса:

„Новой Жизни"). Товарищи, прошу спокойствия. О „Новой Жизни" спросите председателя. Знайте, товарищи, что газет в роде „Речи", которые являются содержанками банкиров, которые лгут на народ, отравляя народное самосознание, в России больше никогда не будет (аплодисменты). Бульварных газет в роде „Дня" которые оптом и в розницу торговали идеями, в нашей свободной России никогда не будет (аплодисменты). Кому тоскливо без этих газет, о тех я могу пожалеть, но помочь им ничем не могу.

У нас свобода печати есть, у нас есть сотни и сотни крестьянских и рабочих газет. Я вижу их каждый день. Это простой листок, часто коряво написанный креястьянской рукой, малограмотный. Но это и есть подлинная свобода печати, когда крестьянина не только кормят завтраками, а говорят—свобода печати это значит—я даю тебе типографии, бумагу, средства, власть почту и железные дороги.

У нас была деревня темная, забитая. Пусть теперь не будет избы, где не будет крестьянской газеты. Вот, товарищи, подлинная свобода печати. Те интеллигенты, которые имеют литературные способности, и хотят работать, пусть забудут о газетах „Речь" и «День» и пусть пойдут в эти маленькие крестьянские, но единственно народные, демократические и социалистические газеты.

У нас есть свобода печати. Когда Народный Комиссариат Просвещения использовал типографии на то, чтобы Л. Н. Толстого, полное собрание, издавать за 25 рублей, когда выходят Некрасов, Гоголь, Белинский и Щедрин ,почти даром, когда станки работают не для того, чтобы печатать желтую продажную прес-

су, а для того, чтобы печатать наших классиков, цвет и гордость нашей и мировой литературы: это и есть свобода печати.

Мы не хотим повторять того, что мы видим в „демократиях“ в Америке и во Франции. Я признаю открыто: было время, когда даже часть сознательных товарищей своим взором не охватывала большего пространства, чем Учредительное Собрание. Тюрьма была настолько беспросветна, царский гнет был настолько велик, гиря так тянула вниз, под этой могильной плитой было так ужасно, что казалось, что даже буржуазный строй, в роде американского парламента—большой шаг вперед. И это так и есть. Это был бы шаг вперед, ибо мы отстали от других народов на сто лет. Но война подвела человечество вплотную к выбору: социализм или полное господство штыка. Мы рванулись вперед и прошли дальше Учредилки, дальше буржуазной „демократии“, и теперь уже мы назад не пойдем. Мы не променим нашей бедной, еще нищей трудовой советской республики на богатую блестящую американскую республику, где сидят в тюрьмах Хейвуды и Е. Дебсы, а звери американского империализма, посылающие войска душить нас, гуляют на свободе (аплодисменты).

Вы видите достаточно наглядно так называемую буржуазию—„демократию“. Назовите более демократический в буржуазном смысле строй, чем американский. Но и там эта демократия только формальная. Фактически власть в Америке находится в руках сотни или двухсот человек, которых знает американский рабочий наперечет. От них зависит вопрос войны и мира, от них зависит вопрос о том, сыт или голоден будет ра-

бочий. Они идут теперь на нас. Весь мир знает, что мы не задирали их, мы не сделали ни одного шага против них, ни один волосок с их головы не упал у нас здесь. Мы сделали все, чтобы примириться, и они все-же посылают войска душить Россию, разорять деревню, обирать последнего мужика в Архангельске.

Вы хотите такой, с позволения сказать, демократии? Я такой демократии не хочу, я такую демократию проклинаю (аплодисменты).

Я говорю, что весь спор наш с правыми эс-эрами, меньшевиками и белогвардейцами, если отбросить все наносное и мелочное, идет из-за того, что они хотят именно власти буржуазной. Что толку от того, что будет Учредиловка, всеобщее избирательное право, а власть фактически будет оставаться у буржуазии? Будут говорить о свободе печати, а типографии будут принадлежать буржуазии, будут кричать о свободе собраний, а помещения будут принадлежать банкирам. Нет, мы говорим: свобода собраний—это дворцы народу, свобода собраний—лучшие дома рабочему классу, свобода печати это—типографии, бумага, железные дороги и почта рабочему классу. Вот чем мы отличаемся от них.

Два поколения перед вами. Наш средний, рядовой так называемый революционный интеллигент вырос в идеологии буржуазной „демократии“, он не шел дальше, он мечтал свергнуть царя и создать буржуазную республику. До тех пор он был революционер, у него был известный размах, был героизм и мужество. Не отрицаю, что это поколение революционной буржуазии выдвинуло известных вождей, которые жертвовали многим пока дело шло о том, чтобы свергнуть царя.

Но когда царя свергнули и буржуазия стала у власти, они предложили здесь остановиться и поставить точку.

И тут-то наши дороги разошлись. Передо мной выступил меньшевик и говорил, что он приветствует Коммуну, что он социалист, коммунист. Я помню, еще недавно он призывал на Путиловском заводе 3-го июня рабочих к забастовке против советской власти (голоса: позор). Помните эту „забастовку", которую и интеллигенция частью поддерживала. Это была забастовка только на бумаге, рабочие провалили ее, рабочие работали в этот день лучше, чем когда-либо.

Теперь нам говорят: давайте об'единимся. Это после того, как в Самаре вы расстреливали наших товарищей, в Ярославле служили поводырями для белогвардейцев, после того, как открыли дверь Сибири японцам и ведете их из Владивостока в Хабаровск, Иркутск, Самару. Теперь говорят нам: возлюбим друг друга. Нет, гражданин Глебов, не могу возлюбить вас, ибо вы стоите по другую сторону баррикады, хоть по вашим словам, вы и 25 лет работаете на заводе.

Если кто-нибудь из представителей интеллигенции думает, что можно быть нейтральным, он глубоко ошибается. О нейтральности не может быть и речи. Школа не может быть нейтральной, искусство не может быть нейтральным, литература не может быть нейтральной.

Надо выбрать дорогу, выбрать путь. Мы не хотим золотить вам пилюлю, мы говорим открыто: выбирайте путь сознательно. Времени было достаточно, прошел почти целый год.

Мировая революция начинается на наших глазах. Конечно, у меня никаких доказательств того, что завтра будет революция в Германии, нет, я от нотариуса рас

писку не могу привести. Но если существует человеческий разум и логика, то совершенно ясно, что завтра неизбежно, на развалинах германского империализма, вырастет здание Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов (аплодисм.) После завтра то же самое будет в других странах. И не пройдет нескольких недель, как на Украине, в Киеве, этом Кобленце русской революции, взовьется красное знамя. Вы знаете, что тысячи буржуазных интеллигентов поспешили уехать в Киев под крыло Скоропадского. Но они получили недолгую передышку. Теперь они сами ходят вокруг нас и спрашивают: а что скоро вы нас погоните отсюда? Они чувствуют, что это неминуемо.

Товарищи, выбора нет. На всем земном шаре нет такого уголка, где бы не клокотала классовая борьба, где бы можно было укрыться. Началась всемирная гроза. Мы ее призывали давно. Вожди коммунистов, Маркс и Энгельс, призывали ее десятилетиями. Теперь гроза пришла. И я бы советовал вам, вместо того, чтобы спасаться под дырявым зонтиком нейтральности, идти под родную Российскую кровлю, идти к рабочему классу. (Бурные аплодисменты).

Средь мира дольнего для сердца вольного есть два пути,—взвесь силу гордую, взвесь волю твердую, каким идти. (Бурные аплодисменты).

Г. Зиновьев.

— —

Интеллигенция и Советская власть.

В „Известиях Ц. И. К.“ товарищ Керженцев обращает внимание на замечающийся поворот интеллигенции по направлению к Советской власти. Этот факт не подлежит ни малейшему сомнению, и он требует внимательного отношения к себе со стороны руководителей Советской политики. Интеллигенция была самым озлобленным врагом Советской власти после нашей Октябрьской победы. Это произошло по различным причинам. Часть интеллигенции связана крепко с буржуазией совместными интересами; она получала порядочные куски буржуазного пирога, она жила также за счет народных масс, как и буржуазия. Низвержение буржуазии означает для нее потерю материальных привиллегий. Но большинство интеллигенции — это противники Советской власти из малодушия. Интеллигент, хотя бы бедный, чувствует себя руководителем народа. Крохи знания, которые он получил, воспитали в нем презрение к безграмотным народным массам. Он мечтал о том, что когда падет царизм, крестьяне и рабочие преподнесут ему власть, обратятся к нему „руководи ты нами, образованный интеллигент“. Интеллигент не верил в то, чтобы рабочие сами посмели и сумели взять в свои руки власть и эту власть употребить на

то, чтобы создать новую жизнь. Эти интеллигенты, несмотря на все прочитанные и даже написанные ими социалистические книги, видели в народных массах только дикую стихию, умеющую разрушать, но не способную к творческой созидательной работе впредь до того, как эти массы пройдут через длинную выучку у господ интеллигентов.

Рабочая масса взяла власть. Интеллигенция увидела приближающийся конец мира. Она решила доказать рабочим, что они без нее ничего не сумеют сделать. Не подлежит ни малейшему сомнению, что между саботажниками было много элементов, которые свое преступное дело делали с убеждением, что они служат этим рабочему народу. Не подлежит сомнению, что многие из них, отрекаясь от работы в общественных организациях, осуждали себя на нищету. Многих из них отталкивала от рабочей революции ее беспощадность. Они всю жизнь читали книжечки о революции, но из этих книг в их памяти осталась только картина молодого офицера, который, положив руку на сердце, декламирует Марсельезу. Тот факт, что всякая революция означает ломку и вырывание с корнями старых учреждений, преодолевание железом сопротивления старого господствующего класса, ими не был продуман, прочувствован. Они не сумели открыть сердце свое, не сумели сказать себе, что врач, отрезывающий ногу, дабы спасти человека, если и причиняет боль, то должен ее причинять.

Год, прошедший со дня Октябрьской революции, научил интеллигенцию многому. Она, во-первых, увидела собственными глазами, что нас скинуть не легко: она видела, как мы справляемся с одним противником

за другим, она видела, более того, увидела жажду знания в той, именно массе, которую она считала только разрушительной силой, увидела нашу громадную творческую работу, увидела, как эта самая народная масса, хотя неуклюже, хотя неумело, но все же ставит в грандиозных размерах школьное дело, она увидела, как эта масса относится доброжелательно, честно ко всякому, который приходит к ней с помощью. Она убедилась в том, что большевики не только сила, но сила, которая не знает другого закона, чем служение делу народа. Унизительный Брестский мир вызвал в интеллигенции взрыв национального протеста. Она была убеждена, что мы, хотим-ли мы этого или не хотим, принуждены будем сделаться слугами германского империализма. Она убедилась теперь, что рассчет Советского правительства на разложение империализма правилен, что Советское правительство укрепляется с каждым днем и по отношению к внешнему противнику. Победы Красной армии против союзников, как и события в Германии, доказали ей это. Одновременно она видит, что там, где побеждают противники Советской власти, жертвой этой победы становятся народные массы, которых делают рабами. Часть интеллигенции сделала из этого правильный вывод. Она идет на службу к Советской власти, понимая, что она этим служит народу, другая часть стоит в раздумье. Воспоминания о старой борьбе, воспоминания об ударах, которые мы были принуждены ей нанести, удерживают ее еще от того, чтобы перейти Рубикон, чтобы соединиться с народными массами. Она продолжает еще вести политику озлобленных неудачников. Это можно сказать, в первую очередь, о меньшевистской интеллигенции.

Советская власть должна облегчить мелко-буржуазной интеллигенции возвращение к народным массам. Мы знаем все слабости, всю нерешительность интеллигенции, мы знаем также, что неслыханные источники силы кроются в самых невежественных народных массах, но нам нужно знание, накопленное интеллигенцией. Нам не надо забывать, что оно представляет кристаллизированный капитал русского народа, капитал, который нам нужен для ускорения возрождения истощенной страны. Интеллигенции, которая хочет работать, в рядах Советской России, надо не только дать возможность этой работы, не только дать кусок хлеба, но надо ей дать также возможность в этой работе принимать участие, как равноправным гражданам. Советская конституция дает выборное право всем трудящимся, всем не эксплоатирующим чужой работы. И это право надо по отношению к интеллигенции конкретизировать, надо предоставить выборное право организациям трудящейся интеллигенции, стоящей на советской платформе. Это участие в наших советах даст этой интеллигенции, несмотря на все ее колебания, возможность сблизиться, т. е. работать, возможность познакомиться с тем, что живет в наших сердцах и в наших мозгах, и мы убеждены, что этим путем Советская Россия получит тысячи ценных самоотверженных работников. Колебания этих интеллигентов более неопасны для нас, мы достаточно сильны, чтоб не бояться того, что они сведут нас с нашего пути.

Пусть октябрьская годовщина будет днем, в который к великой семье трудящихся России вернется один из ее сынов, который перед восстанием рабочего класса отдал много народу, который из маловерия от него

отошел, расплатился за это страданием, и который в своей лучшей части теперь возвращается к трудовой семье, чтобы с ней совместно работать над созданием новой России.

Интеллигенция, которая ушла на другую сторону баррикады, и совместно с буржуазией ведет борьбу против нас, эта интеллигенция будет уничтожена совместно с буржуазией. Тем же, которые возвращаются к нам, надо подать руку, вытянуть их из трясины, и поставить их на работу, как равных граждан, полноправных граждан Советской России.

Карл Радек.

Интеллигенция на переломе.

При открытии памятника Радищеву в Москве из толпы выступил студент, не-социалист, который в горячей речи отметил, как поразило его бережное и любовное отношение Советской власти ко всем борцам за свободу и просвещение народа, даже и не принадлежащих к пролетариату.

На петроградском митинге под председательством Максима Горького заслуженный академик заявил: „Я 35 лет живал при всяких режимах, но такого уважения к науке, как со стороны представителей Советской власти, я никогда еще не встречал. Советское правительство идет навстречу научным начинаниям и ученым организациям и этим показывает, что оно умеет ценить чистую науку и ставить ее на должную высоту.

Вот два типичных заявления, показывающих, что русская интеллигенция, наконец-то, с большим опозданием начинает прозревать и понимать, что Советская власть является крупной культурной силой.

Петроградский митинг, посвященный вопросу о совместной работе интеллигенции и Советских учреждений, собравший свыше 20 тысяч, среди которых, возможно, большинство было интеллигентов, знаменует собой еще с большей убедительностью тот перелом, в отношении

к Советской власти, который сейчас переживают все наиболее чуткие элементы интеллигенции.

В историю русской интеллигенции период после-октябрьского саботажа войдет, как грязное позорное пятно. Много лет воспитывавшаяся на идеалах социализма и на лозунге борьбы за народ и работы с народом, русская интеллигенция в самую трагическую минуту революционной борьбы за социализм дезертировала из рядов пролетариата и крестьянства, чтобы стать опорой контр-революции.

Сейчас уже нет интереса и охоты разбирать, почему это случилось. Прошлые месяцы показали, что это дезертирство было не случайным явлением, оно тесно связано со всей психологией, со всеми помыслами русской интеллигенции. Только после тяжелых и даже кровавых уроков она приступила к переоценке своего предвзятого отношения к рабочему классу и большевизму. Только испытав, как контр-революционная сила, всю мощь пролетарского кулака и убедившись в незыблемой твердости пролетариата, его горячей преданности идеалу социализма, она пошла, наконец, навстречу Советской власти.

Именно логическая последовательность большевизма и железная мощь пролетарской диктатуры, не останавливающаяся перед суровыми репрессиями по отношению к своим врагам, явились для дряблой и бесхарактерной интеллигенции лучшим аргументом.

Теперь, когда представители интеллигенции и особенно интеллигентская молодежь начинает так охотно идти работать вместе с пролетариатом и крестьянской беднотой, мы встретим ее радушно и не поминая ошибок и преступлений прошлого, но мы поставим ее в те же

самые условия железной дисциплины и товарищеского контроля, при каких идет вся работа Советской Республики.

Недостаточно еще простого „обращения“ в сторонников Советской власти. Мало того что, интеллигенция начинает признавать всю справедливость исторического прогноза большевиков и приемлемость для себя основных положений коммунистической программы. Чтобы стать действительно полезным членом любой рабочей организации, интеллигент должен пройти через суровую школу, которая должна переплавить его душу и сделать его другим человеком. Далеко не всякий, повторяющий слова о коммунизме, войдет в коммунистическое царство, как полезный и полноправный его член.

Интеллигенции предстоит еще научиться подчинять свою волю, свои интересы интересам коллектива, ей следует еще проделать над собой колоссальную работу.

Те, кто не боится этой работы; кто честно и искренно хочет работать рука об руку с пролетариатом, во имя мировой революции, ради торжества социализма, того рабочий класс охотно примет в свои ряды.

Конечно, таких новообращенных будет меньше всего в рядах той интеллигенции, которая всю жизнь шла за меньшевиками, правыми эсерами и т. п. партиями. Зато среди молодежи, перед глазами которой развертываются сейчас события социальной революции, налагающей свою печать на грядущие тысячелетия, найдется, несомненно, немало людей, которые с радостью променяют интересы буржуазии на интересы пролетариата и пойдут в первых рядах рабочей армии, борющейся за социализм.

Именно из такой молодежи, тесно связавшей свою жизнь с долей пролетариата, и выйдут наиболее ценные работники для происходящей сейчас мировой борьбы.

Пусть же та интеллигенция, которая еще продолжает оставаться в рядах контр-революции или придерживается политики саботажного выжидания, скорее решает свою судьбу и выбирает между двумя лагерями: или пусть они отступают с белогвардейцами за Урал, чтобы потом исчезнуть из русской истории с клеймом жалких защитников отживающего строя, или пусть они смело и открыто идут в ряды рабочих и крестьян, борющихся под руководством Советской власти за новые общественные отношения против кровавого империализма и черной реакции. И пусть они скорее делают свой выбор. Время не ждет.

В. Керженцев.

Еще об интеллигенции.

Вопрос о переходе интеллигенции на сторону Советской власти продолжает обсуждаться в нашей партийной и советской печати. Некоторые товарищи, отмечая тот перелом, который, видимо, переживает интеллигенция, предлагают в связи с этим изменить систему организованного террора и пойти на всевозможные уступки навстречу кающимся интеллигентам. Мне думается, что такое предложение совершенно не вызывается обстоятельствами момента. Прежде всего

красный террор направлен вовсе не против интеллигенции, а против ее господина — контр-революционного капитала, который не обнаруживает ни малейших признаков раскаяния, а еще с большей энергией мобилизует свои силы на Украине и в Сибири и готовится к борьбе с Советской властью не на жизнь, а на смерть.

Интеллигенция в этих контр-революционных выступлениях играет роль служанки, выполняющей приказания, но не задающей тона. А потому, то или иное ее умонастроение мало отзывается, как на самой контр-революционной работе так, естественно, и на методах борьбы Советской власти против своих классовых врагов. Пролетарская диктатура сможет ослабить свою железную систему только после того, как ее враги будут повержены в прах, а это произойдет лишь в связи с развитием мировой революции.

Кроме того, если в настроении интеллигенции и происходит сейчас перелом, то, как я уже указывал, он стоит как раз в связи с той решительной политикой по отношению к буржуазии, которой придерживается Советская власть. Русская интеллигенция научилась уважать силу. И она нуждается в суровой школе, чтобы быть способной для полезной работы над социальным переустройством общества.

К перелому в интеллигентских симпатиях мы должны отнестись внимательно, но все же не преувеличивать его. Слишком часты в истории русской интеллигенции были такие переходные моменты. Слишком мягкотела наша интеллигенция, чтобы к ее симпатиям и антипатиям относиться без скептицизма. Кроме того, как бы ни был великодушен рабочий класс, он все же потребует, чтобы свои грехи перед рабоче-крестьянской

Россией интеллигенция загладила серьезным трудом. Интеллигенты должны пройти необходимый стаж, прежде чем вступить равноправным членом в рабочую семью.

Этот период стажа вовсе не потребует от интеллигента выполнения каких-либо унизительных условий, но он поставит его в железную обстановку труда и дисциплины, она научит его подчинять свое самолюбие общим задачам коллектива.

Русская интеллигенция никогда не имела такой школы и всегда страдала позорным разгильдяйством, жалкой бесхарактерностью, элементарным неуменьем работать. И при этом она всегда отличалась чрезмерным самолюбием и самовлюбленностью, желанием господствовать над массами и играть роль руководителей мировой истории.

Жестокие уроки социальной революции и суровый период пролетарской диктатуры показал и всю ребячливую вздорность этих претензий и этой самовлюбленности. Интеллигенция не выдержала экзамена ни на свое хваленое народолюбие, ни на свое уменье работать.

В новых, создавшихся сейчас, условиях советской работы интеллигенции придется переучиваться заново и отвыкать от многого такого, что считала особой своей заслугой. Нет никакого сомнения, что большая часть интеллигенции не сможет в полной мере приспособиться к новым условиям и до конца дней своих будет вздыхать и ворчать на мировую революцию, которую мы теперь переживаем. Наиболее популярные ее вожди, имевшие большое значение, до начала русской революции, будут стерты водоворотом событий и уйдут в прошлое с клеймом людей, которые пытались пойти

против законов исторического развития и боролись против воли восставшей народной массы.

Другая часть интеллигенции будет просто-на-просто выброшена из жизни в качестве непригодного для текущего момента люмпен-пролетариата.

Зато более молодые элементы интеллигенции неуспевшие развратиться в буржуазной среде смогут с искренностью и горячностью молодости приобщиться к великому революционному творчеству наших дней и стать полезными и необходимыми работниками рабоче-крестьянской России. Эта интеллигентская молодежь, которую саморазорение буржуазных слоев общества ставит сейчас в обстановку, требующую упорного, часто даже физического труда, с юных дней попадает в суровую школу жизни, которая роднит их с пролетариатом. Но, чтобы оказаться действительно полезными гражданами Советской России, интеллигентская молодежь должна решительно и бесповоротно порвать с той средой, которая ее вскормила и воспитала. Только через такое отречение от буржуазной гнили, эта молодежь очистится от злокачественной заразы умирающего общества и станет способной перевоплотиться для новой жизни.

Однако, новая русская интеллигенция создается не из таких выходцев из буржуазного класса, а образуется из рядов пролетариата и крестьянства. Это истинно-социалистическая интеллигенция уже теперь является крупной силой и с каждым днем ее ряды множатся. У нее уже теперь накопился значительный опыт для общественно-политической деятельности. Она вырабатывает свои новые методы работы. Но ей, конечно, еще недостает необходимой суммы познаний, проверенных опытом. Реорганизация школы и, особенно, преобразо-

вание университетов, дает возможность рабоче-крестьянской интеллигенции получить ту выучку, которая необходима для ее работы.

Эта новая интеллигенция будет тесно и кровно связана с пролетариатом, и она никогда не отойдет от него ни в минуты испытаний, ни в часы радости. Эта интеллигенция и будет тем цементом, который спаяет социалистическую Республику в мощное целое.

В. Керженцев.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКИЙ МИР»
МОСКВА
М. ЗНАМЕНСКИЙ, 8
ТЕЛЕФОН 52-82

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

ЦЕНТРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО В. Ц. И. К.
„ЦЕНТРОПЕЧАТЬ“, ТВЕРСКАЯ, 38.

Цена 2 р. 50 к.